

Диплом на звание короля

Часы в империи Сергея Образцова переводят на новое время

Леонид ЛЕРНЕР

В наши дни куклы опять стали очень популярны. Явившись на телеэкран, они играют людей. Так стоит ли ходить в театр, где люди, прячущиеся за ширмами, играют кукол?

И вот я сижу в театре, где люди и куклы, выйдя из-за ширм, открывшись зрителю и как бы слившись друг с другом, играют трагедию.

Кукла, которую актер нес на руках, как ребенка, сползла с рук и, обратившись в старика с горбом, гнувшей вползающего в тусклую позолоту мрачных своих сокровищ, произнесла: «Весь день минуты ждал, когда сойду в подвал мой тайный, к верным сундукам...» Это сказал актер. Я видел, как по его молодому лицу пробежала тень, рожденная скрипучим голосом. И уже не мог оторваться от рук, которые «разговаривали» с куклой, живая в каждом ее движении — закуная свечи в темном подвале, перебирая золото в «шкатулке, еще не полным сундуком», прислушиваясь к зловещей тишине. Лицо человека и лик куклы, такие разные, но — творящие один образ, высвечивал луч прожектора. Два существа, сойдясь на сцене, творили трагедию Сюютисти. И уже ничто не вызвало сомнений: ни подвал, назависший преисподней; ни человек-кукла, который, сгорбившись на страшных своих сундуках, лапал чербером; ни его торжественно-отчаянный крик, когда, стуча мечом об пол, как посомом, он возглашал: «Я царскую!» Он царствовал: позолотил по золоту и, ваясь, изваявшись в нем, становился золотым — как идол.

Андрей Денисков, который так удивительно один в Сююсти и в кукле, играющей Сююсти, сам мастерил, а затем поставил и сыграл, спел, станцевал почти всех персонажей «Маленьких трагедий», включая Лауру с дочкой Анной, Сальери и Моцарта. Помню, как женой Моцарта после сцены отравления уходит за кулисы, а его кукла-малыш, свернувшись калачиком на крышке стола, засыпает вечным сном. Но сие, под зрень «Реквиема», означает, садится за руль, играет — и издается, что это Существо и создаст великую музыку.

Кто-то из могилок Образцова, всю жизнь игравших за ширмой, переживших трагический кризис после смерти Мастера, увидев на своей сцене «Маленькие трагедии», произнес: «Какжется, родился новый король».

Тридцать лет назад, в дни открытия «Дома с живыми часами», в год освидетельствования его создателя, сидя в кабинете Сергея Образцова, я услышал нечто парадоксальное: «Если после меня явится человек, который пойдет по моим стопам, этот театр погибнет. Повторы всегда хуже оригинала». Между тем казалось, что кукольный мир Образцова — на вечные времена. Здесь все было удивительно и часы, кричащие летучком — так, что останавливались мудрые мимы театра тропеями; и зимний сад в фойе, где росли деревца, пели птицы и плавал живой крокодил. То была своего рода империя. Создатель был прав: повторы оказались даже хуже, чем он предполагал. Империя рухнула.

Но свято место пусто не бывает. 30 лет спустя в дипломном спектакле «Молодость короля Людовика XIV», посвященном столетию Сергея Образцова, нынешний выпускник ГИТИСа Андрей Денисков, убрал ширмы, вывел труппу театра прямо на сцену. Этот диплом по-своему

Король и Мазарини.
«Людовик XIV»

уникален: в своем спектакле Андрей — и соавтор Александра Дюма, и постановщик, и балетмейстер, и художник по кулакам... И, само собой, игравший короля.

Ему, конечно, повезло. Он пришел туда, где был действительно нужен.

— Меня поразили запахи театра. Сначала не мог уловить — что это? Потом понял: то ощущение былого величия, запахи поверженного Рима. Коридоры пусты, ни души. На малой сцене полная темнота. На большой — мрак и тишина, за пять минут до спектакля — никого. Думаю, как же так? Приди, посмотри на сцену куклы, пообщайся с ней, поговори. Нет, никого! Потом нехоти появились актеры, на лицах уныние, все одинаковое, не отличить друг от друга. Начался всем остервененный спектакль. Представьте новгородского епика, увешанного иржушными, которые говорят между собой: «И так полтора часа. А ведь это «Шелкунчик»! Я был потрясен. В театре, куда еще десять лет назад стремились попасть весь мир, актеры стали серой массой, униженными, потеряли надежду.

Андрей принес с собой и показал «Маленькие трагедии» — как пролог к возрождению, присяя к творческой свободе актера, задыхающегося за ширмой. Художественный совет театра отверг спектакль, зная, что его концепция разрушает надежды Мастера. К счастью, на просмотре оказались и другие люди — из Союза театральных деятелей, Министерства культуры, поддерживавшие молодого режиссера. А известный театральный продюсер Давид Смелянский и вовсе оторвался: «Я этот спектакль посмотрел! Дело довершили зрители. Я видел на премьеры, как малышкой к калашам в ушах, стоя аллодирировали Андрю Денискову. То был его триумф. А ему нужен был спектакль, который станет триумфом для всего театра».

— Когда я прочел пьесу Дюма, сразу решил: ставим спектакль о короле и его подданных, которые счаст-

ливы со своим королем. И пусть это будет возможно хотя бы в нашем театре. И многие актеры сами попросились в «Людовика».

То, как парадоксально, порой фантастично, но — до странности достоверно король, основывает свой трон, вызывает ассоциации с театральной судьбой самого Андрея, с тем, как он сам шел на сцену. Малыш, левый на клиросе, замечен священником и призван в алтарь. Танцует в детском ансамбле телевидения и радиовещания у Попова. В девятом классе приходит в театр, к анучке Мастера Екатерине Образцовой, где изучает куклы, игру актеров за ширмой, производство кукол в мастерских и с тех пор рисует, конструирует и шьет своих собственных...

Три драматурга — Мольер, Дюма и Бутгаков, неуловимо скрыты в спектакле, пускаются подчас в такие переработки, что сюжет просто извращается. Вроде бы именно король приглашает Мольера с труппой во дворец (и он является), а на поверку — Мольер приглашает Людовика в свою труппу. Что касается королевского дворца, то в одно прекрасное утро он приходит в неограниченное волнение. Оказываются, через таинственного «конферансье» король знает обо всем, что творится в его окружении и даже за пределами дворца. Всемогущий Мазарини, подталкивая, что этот «кто-то» не из придворных, ибо все во дворец в его руках. Но и ему невдомек, что главный конферансье король — сам король.

Желая получить информацию из первых рук, король сам становится комедийной И тут уже в помощь великая условность кукольного театра. И, наблюдая, как растет король, как мукает, как «одевается» в подлинно королевские одежды, необычно вспоминаешь другого: того, которого «развешивают».

«Голгоа короля» Андрей Денисков сыграл в учебном театре ГИТИСа. А в ГИТИСе буквально ворвался государи учебного года, оставив гуманитарный университет, где учился уже на третьем курсе. Отчаянно вошел в кабинет проректора

(ныне ректора) Мариины Юльены Хмельницкой с мешком кукол (вот с собой весь «Кошмар дом», который поставил в монодраматическом центре Эриксон) и выдохнул: «Хочу у вас учиться!» Изумленная Хмельницкая тревожно взглянула на мешок: «Что это у вас там?» — «Куклы. Я сейчас «Кошмар дом» сыграю!» И стал вынимать кукол, ставить ширму. А она уже знала Шаровету: «Иваном Георгиевичем, зайдите, пожалуйста, срочно!» Андрей играл, пел, танцевал, крутил фусты... И Шаровету его на своей страшно-режиссерской фантасии кулет сразу на второй курс. А уже через неделю Денисков играл королем по пьесе Шекспира.

В замке Венсен, где, по спектаклю, вершится все главные события в жизни Людовика XIV, дисор, потрясенный жертой своего короля (любит Марию Манчини, а под венец — во благо страны — ведет Марию Испанскую), восклицает: «Да здравствуют Францези!» На что Людовик исторически заявляет: «Государство — это я!» Не знаю, как это звучало в середине XVII века, но в спектакле звучит убедительно. В государстве, которым правит справедливый король, многие становятся на свои места. И даже люди, всю жизнь бывшие куклами, вспоминают, что они все-таки люди.

Скоро в театре Образцова очередная премьера. Постановщик Андрей Денисков.

Фото автора